

Мое горе

Мое горе садится в поезд, идущий к морю.
И сидит держит спину. И скалится в полудреме.
И темнеет. И тени мелькают в купейном дверном проеме.
Мое горе давно все решило. И я ни о чем не спорю.

Мое горе живет у моря и кормит чаек.
И под вечер приходит к смотрителю маяка:
«Дай подняться, я мельком гляну, пускай и издалека,
Как моя подопечная дико по мне скучает».

Мое горе звонит не чаще, чем раз в неделю.
И на заднем фоне все время играют Брамса.
Говорит: «Я к тебе вернусь. Только дай собраться.
Так устало, что еле встаю на завтраки из постели».

Мое горе стабильно по средам выходит в люди.
Люди в нем признают харизму — ничто не противоречит.
А потом мое горе мне снится и шепчет «до скорой встречи».
А я сплю и надеюсь, что встречи у нас не будет.

Красота

Я здесь затем, чтоб обналичить чеки —
Свой временной и жизненный лимит.
Поесть шакшуки, задолжать библиотеке,
Разбить машину, взять еще в кредит.
Поспать, пока Москва вообще не спит.

Я здесь затем, чтоб оттенять пейзажи,
Сжигать дрова и рушить тишину.
Менять валюту, поднимать продажи.
И мимоходом пережить войну.
Взлетать под небеса, идти ко дну.

Я здесь затем, чтоб сон твой был покоен,
Поскольку его крепко сторожат.
Здесь поле. И я буду храбрый воин.
И жнец. Коли настало время жать.
И мать. Когда пришла пора рожать.

Я здесь затем, чтоб слов назначить цену.
И их сложить в охапки и ряды.
В страницы книг. И прочитав со сцены.
И ими напоить взамен воды.
Я здесь для красоты. Зачем здесь ты?

Голод

Ни с чем не сравнимое чувство голода по тебе
Перекачивается под кожей, сверлит виски.
День прирастает, зима на грани, мы так близки,
Ты единственной строчкой, особым пунктом в моей судьбе.

День прирастает, зима на грани, мы — соль и снег.
Кожа и йод, зрачок и густая тьма.
Ни с чем не сравнимое чувство лишает меня ума.
Рыжее пламя танцует под кромкой век.

В спальне стоят часы. Но рассвет в дозор
Каждое утро упрямо выходит в срок.
Ты — мое русло, мой курс, мой особый рок,
Я без тебя бесполезен, испуган, зол.

Я выдыхаю дым, сокрушаю и не тужу —
Я порождаю отчаяние, мрак и тлен.
Но когда я случайно касаюсь рукою твоих колен,
Я не то чтобы злу — себе не принадлежу:

Мою ярость сменяет нега, туман, покой.
Цепь замыкается, ток бьет по проводам.
Так что ты не оставь, не оставь меня никогда.
Ни с чем не сравнимое чувство голода по тебе
Я ощущаю, даже когда с тобой.

Спички

Мне бы хватило спички — найти тебя в темноте,
Одного шороха, сломанной ветки, примятой осоки.
Вот мои добровольцы обыскивают канавы, да все не те.
Вот месяц над ними — изогнутый и высокий.
Вот берег, замоченный в своем соке.

Мне бы хватило следа в песке, тишины в лесу,
Еле заметно надорванной паутины.

Я все осилю для этого, все снесу,
Звезды мерцают. И ветер мне дует в спину.
Я не оставлю погони, ищеек своих не кину.

Мне бы хватило знака, чтоб веру в себе хранить;
Чтобы не ведать ни отдыха, ни привала.
Мне бы хватило нити — найти тебя, если была бы нить,
Сколько бы вьюга меж веток не подвывала
Я бы нашел тебя, если б ты здесь когда-нибудь побывала.

Она

Она достает лодку из рукава — и вот:
Комнату вмиг заполняет соленой морской водой.
Рыбки резвятся, водят в ней хоровод,
А на палубе — кормчий, задумчивый и седой.
И курс задается полярной одной звездой.

Она достает спицу из рукава — тотчас
Золотое руно появляется у ее ног.
Теплым становится камень, законченным — часть.
Главою семейства — тот, кто доселе был одинок.
Заполняются все пробелы, отбрасываются все «но».

Она достает камень из рукава — в горах
Смертоносные сходят лавины и камнепад.
Все живое стало как пепел, зола и прах.
Даже атом готовит немислимый свой распад.
В трубы трубят и бьют впопыхах в набат.

Она достает перья из рукава — с небес
Начинает вдруг сыпать колючей холодной крупой,
Непонятная крошка: цемент, молибден, асбест —
Климатический нонсенс, всемирный божественный сбой.
И крестьяне поля закрывают самими собой.

Она достает сердце из рукава — я тут,
Ее мрачный свидетель, заспавшийся часовой.
Меня бреет цирюльник, ей косы подружки плетут.
Меня к алтарю провожает безликий конвой.
«Ты — моя, — говорю. — Ты моя. А я — твой».

Вода

За собой оставляя гладкими камни, сожженными — города,
Глупыми — лица людей, и даже их страсти, тоску и боль.
Огибая холмы, низины покрыв собой,
Бежала без ног, без оглядки моя вода.

Бежала сквозь доки, причалы, гавани и порты.
Под мостовыми скрываясь и появляясь вновь.
Бежала вода, мешая и пот, и кровь,
Бежала в ночи. И кривились над ней мосты.

Бежала вода меж копыт, колесниц, подошв.
Бежала сквозь снег, пролагала себе тропу,
Бежала, с собой унося тополиный пух.
Бежала вдоль поля, где тихо всходила рожь.

Бежала вода сквозь плотины и дамбы внахлест.
Бежала, до глины порой увязая в песок.
Бежала сквозь острые стебли надменных осок.
Бежала под шелест всегда недовольных берез.

Бежал мой ручей, мой герой, и срывал якоря,
Стремился к твоей полнокровной глубокой реке.
И чайки галдели, над ним хохоча вдалеке.
А ты от него точно так же бежала в моря.

Как ты хотела

Я был твоей тенью в полдень, кошкою в полночь, слепую зоной.
Улицей после дождя, покрытой испариной и озоном.
Я проникал в твою спальню рассветным солнцем, букетом лилий.
Я лип к твоим шинам гудроном, что тут пролили.

Я покорялся твоим ладоням под кожей руля у твоей машины,
Я становился твоим маршрутом сквозь турецкий базар блошинный.
Я был в каждом мужчине, что тебя цепко держал за плечи.
Я опускался на город, собой разбавляя вечер.

Я ел с твоих рук среди беспризорных шавок,
Лизал языком их, волнительным и шершавым.
И оседал на твой ворот искристым ноябрьским снегом.
И дополнял твое едкое Alter Ego.

Я был... впрочем, был ли? И стоил ли этих строчек?
Неприметней таксиста, дверного звонка короче.
Бессмысленной частью речи, недвижимой частью тела.
Я был всегда рядом, как ты, дорогая, того хотела.

На берегу моря

На берегу моря, у которого я живу,
Волны слюнявят вросшую в твердь траву.
Стаями пробегают на лицо равнозначные псы.
И никто никогда не носит с собой часы.

Дагестанские женщины с ночи готовят плов;
И молчат о своем, не имея ненужных слов.
И только паромы ночами дают гудок,
Уплывая с юга на север, с запада на восток.

На берегу моря, у которого штиль и тишь,
Понимаешь, что ты не вечен. Как понимаешь, так и грустишь.
И до ближайшей границы — от силы, ну, полчаса.
Но полчаса без часов — непонятный отрезок, невнятная полоса.

На берегу моря, где уровнем соли едва от воды отличается пот,
Я провожаю закат, а с ним и минувший год.
И становлюсь нераздельной что с галькой, что с тишиной.
Море, накрой. Накрой же меня волной.

Ханум Фа

Ханум Фа, я сижу у воды и являю собою предмет.
Вы торчите за облаком, из себя представляете миф.
Ваша длинная юбка свисает в закат и втекает в залив.
И меня не тревожит ни шум в камышах, ни дожди из комет.

Моя лодка петляет меж стройных кувшинок и их двойников.
Мои весла наводят на них только смуту и страх.
И костры с берегов лижут воду, но в этих кострах
Я не вижу ни воли, ни жизни, ни пут, ни оков.

Я хочу в вас поверить, но звезды рассыпаны так,
Что полярная смотрит на север, а ваша в тени.
И я грежу уснуть и проснуться в те ясные дни,
Когда ваши шаги так слышны, что я двигаюсь в такт.

Но вы облако, блик на ноже, жемчуга под водой.
Вас не то что достать, даже видеть выходит с трудом.
Я сижу у воды. И не жду ничего, и не верю в «потом».
Просто здесь мы вдвоем, тет-а-тет с моей горькой бедой.

Двадцать семь

То утро наступило вмиг, и лишь фонарь
Еще стоял зажженным и нелепым.
И ты проснулась жеваным билетом,
Листком, покинувшим настенный календарь,
Свечой, сгоревшей в пепел, дым и гарь.

Под потолком летала бабочка. На кухне
Из крана равномерно шла вода.
И ток струился с рыком в провода,

И веки от бессонницы припухли.
И ты лежишь ничейная, как рухлядь.

И свет сквозь шторы бьется наугад
По твоей тумбе, пуфику, паркету,
Как лев, напуганный хлыстом. Пристало лето,
Пристало к мрачным, диким берегам.
И с улиц начал доноситься гам.

Рассвет пришел арабом к Карфагену,
Застав врасплох твою пустую спальню.
И если в тебе жили прежде тайны,
То утро все их высветит рентгеном.
Для двадцати семи ты, детка, офигенна.

Если бы

Если бы между нами были хотя бы деньги, их стоило завещать,
Если бы время — его беспринципно тратить.
А так между нами всего лишь твои дорожные платья
И мой невозможный характер, не выраженный в вещах.

Если бы между нами каждый метр обращался в милю,
Каждое слово в градус, а междометия — в град.
Если б мой брат был сильнее, а у тебя так вообще был брат,
Они бы встречались за гаражами и дрались бы, пока кого-нибудь не убили.

Если б мне было кого покинуть, а тебе — кого обрести,
Наша несхожесть расширилась до предела —
Ты лежала бы лбом на руле. И твоя машина в ночи ревела
Оттого, что с моей ей снова не по пути.

Если бы силы, будь то архангел, пророк или бес,
Нас заприметили ночью, заморозили
И разорвали бы, точно ахиллово сухожилие,
Перепавшее людям с самих небес.

Если бы «если бы» вдруг обратилось в жизнь
И «ничему» между нами что-то пришло на смену,
Мы бы купили «Порше», сгоняли в Вену.
В общем, нашли бы, что делать вдвоем. Скажи?

На части

И когда ты уходишь на море, тебя там встречает галька своим шепотком.
«Эй, — говорит, — не стесняйся, давай садись».
Воздух густ и насыщен — не выпить его глотком.
И влюбленная чайка срывается с гонором ввысь.

Это март. Побережье пустынно. Шезлонги в пыли.
Город спит в предвкушении наплыва туристов к сезону.
Море смешано с небом, как кофе и сливки. Вдали
Проплывает облезлый паром напрямик до Трабзона.

Я смотрю, как ты чистишь гранат, как по пальцам течет
Терпкий сок. И дорожка уже достигает запястья.
Мы расстанемся завтра. Навечно. И все остальное не в счет.
Только я все смотрю. И меня раздирает на части от счастья.

Тшшш

Никогда не касайся тем этих, моей души.
Я заделал все дыры, я все зашил.
Я обтер до остова столько шин.
Помолчи со мной, как умеешь, да подыши.
Я везде опоздал, куда так спешил.

Там, откуда я, ночь уже.
Мальчики — в арафатках, девочки — в парандже.
Марс все время требует новых жертв,
Но меня бракует как неликвид.
Если хаос у нас бывает, то здесь царит.

Солнце по цвету отдает медью, земля — кирпичом.
Знаю: у тебя столько дел, и все бьет ключом.
Но найдется, должно быть, время помолчать со мной ни о чем.
Мысленно кладу голову на твое плечо.
Помолись потом за меня. Я устал как черт.

Потолкуй потом с Богом, у тебя там блат:
Меня не берут ни пули, ни сталь, ни булат.
Все меня полюбили. И юный мальчик-мулат
Мне приносит в ладони подтаявший шоколад.
От него сохнет глотка до самых гланд.

Из профессий тут только простые: военные и врачи.
У меня одноместный бунгало. Сегодня дали ключи.
Не спалось поначалу. А вчера снились аисты и грачи.
Подожди, прикурю последнюю. Спички. Чирк.
Помолчи со мной. Я тоскую. Еще чуточку помолчи.

От Марракеша до Касабланки

От Марракеша до Касабланки ночь на автобусе по пустыне.
Лица неспящих испуганы, спящих — святы.
Все надежды, не ставшие явью, мы признаем пустыми,
Все, не воздавшие нам по райдеру, — виноваты.

Все, что случилось, имело все шансы случиться позже;
Или с другими. Или со всеми сразу.
Солнце, накопленное за вечер, течет под кожей.
И источает свечение, почти недоступное глазу.

Ветер шлифует ландшафты с упорством безумных,
Видящих мир тем же самым, но только с изнанки.
Я проверяю карманы, хотя ничего не везу в них.
И растворяюсь в автобусе от Марракеша и до Касабланки.

Нет слов

Сочнее всех про рулетку пишут те, кто ее не видел,
Те, кто держится колеи от дома до магазина,
Колет себе витамины два раза в год, меняет в сезон резину,
Для кого каждый день предсказуем, актив — ликвиден.

Что до тех, кто ставит на черное и на нечет,
Годами выводит формулу верных чисел —
Это тот, кто себя не выдал, кто скорости не превысил,
Кто бисера ни за чем не мечет.

Самые страстные поцелуи чинят подростки на переменах,
Клянутся навечно, не выступишь — будет хуже.
А их по-настоящему любящие мамы готовят ужин
И делают вид, что не догадываются об изменах.

Знающие про жизнь из книжек — любят читать по глазам,
Точат ночами мечи для повинных во всем голов.
Вот, пожалуй, поэтому у меня не находится подходящих слов,
Чтобы кому-нибудь о тебе рассказать.

Мой мир

Никогда не суйся сюда, здесь тесно и одному.
Я переживаю зиму, хотя уже пережил чуму.
Не кажи сюда носа, здесь мутно уже от смут,
Не кидай сюда слов и рифм — тебя не поймут.

Не носи сюда свою душу, даров не преподноси —
Лучшее, что я сделаю для тебя — поймаю тебе такси.
И не плачь у окна ночами, не злись и не голоси.
Уноси поскорее ноги, если хватает сил.

Знаешь, здесь рытвины и болото, могильник и котлован.
Я парю над землей, потому что иначе ступаю по головам.
Не ходи сюда лучше — здесь тесно моим словам,
Здесь чертополох и репейник, здесь засуха и бурьян.

Тебе здесь тонуть и падать, шарахаться между льдин.
Вечно кружить под брюхом затопленных субмарин.
Это мой мир — он спрятан и нелюдим.
Никогда не суйся сюда — я здесь живу один.

Встреча

А потом она говорит, как была смела, когда меня предала.
Как смела со стола всю посуду и козыри все сдала.
И у нее на виске проступают вены в победную букву “V”,
И она смотрит в окно глазами, полными ярости и крови.
А за окном безыизвестный месье ловит такси до Пигаль.
И вывеска бара через дорогу продолжает призывно мигать.

И она говорит: «Из незаслуженного у тебя только жизнь и кудри почти до плеч.
Нет ничего такого, чтоб уничтожить то, что не смог купить и не мог беречь».
И она закуривает, хотя бросила еще в осень, чтобы родить, но не задалось.
И рукой собирает волосы в хвост, хотя волосам этим проще врозь.
И в ней все осталось прежним: сутулость и круть бедра.
И в открытую фортку ветер уносит дым. И заносит шум полуночных драк.

И она говорит: «Ты свидетель моей катастрофы, ее причина и послелог.
Ты разносчик гнилого сердца, больной головы и болезненных слов.
Если меня обгоняет красный «купе», я смотрю на водителя, а пошел уже
третий год.
Ты, как политрежим, лишаешь махом возможностей и свобод».
Лампа над головою тускнеет и гаснет после щелчка.
И все исчезает. Разве что кроме зрачков в окружение тоненького белка.

И она говорит: «Столько чувств, что порою тянуло подвеситься на крюке.
И хватать кислород губами, как рыба, только что пойманная в реке.
Я сдала тебя, потому что кто-то из нас двоих должен был оказаться сдан.
Ты же хлеще, чем революция. Ты кровожаднее, чем майдан».
И когда тишина наступает, она наступает на плечи. На весь хребет.
И она говорит: «Ну что ты? Расскажи давай о себе».

И я по стене сползаю на корточки, а в итоге вообще на пол.
Говорю: «Я свободен как птица. И гол как сокол.
У меня дома мед-померанец. Хотя ты любила гречишный и с молоком.
Я все вижу и знаю. Но прошу: разреши мне побыть дураком».
И весь мир... и весь мир замирает на время для этих двоих,
Чтобы утром настигнуть нагими и спящими их.

